

**Роальд Леонидович Романов, ветеран партизанского движения,
Председатель Совета партизан и подпольщиков МКВВ**

О партизанской прессе, лирике и планерных десантах в Бегомль

В труднейшие дни для смоленских партизан капитан Юрьев стал начальником политотдела соединения «Бати» и редактором газеты «Партизан Смоленщины», первый номер которой вышел 27 июня 1942 года. После того, как политотделом Юрьева было выпущено было 7 номеров этой газеты, Н.З. Коляда организовал при своем штабе филиал центральной «Комсомольской правды», первый номер которой вышел 12 августа 1942 года.

Член коммунистической партии с 1930 года комиссар Юрьев умело руководил идейно-политической работой в сложнейших условиях становления Смоленского полка. Он создал систему «просвещения гитлеровцев» в их гарнизонах (в 50–150 км от Смоленска). Там в Смоленске располагался штаб армий «Центр», туда в марте 1943 г. приезжал Гитлер, «желая не только воздействовать, но и утратить... для прыжка на Москву». Гитлеровцам была хорошо известна диверсионная и идеологическая деятельность Смоленского партизанского полка Садчикова, который они неоднократно пытались окружить и уничтожить. «Весной 1943 г в районе Сенно Витебской области в особенно трудном положении оказался партизанский полк И.Ф. Садчикова. Попав в кольцо, он в течение 19–21 апреля 1943 г. не прекращал боя с карателями силой до 4000 тыс. штыков с артиллерией и танками. Уничтожив 350 фашистов, полк И.Ф. Садчикова вышел из кольца».³⁶

В этих сложных условиях комиссар Юрьев и секретарь партбюро Самуил Арсеньевич Лагереv смогли создать полковую редакцию газеты «Народный мститель», первый экземпляр которой (с пугающим недругов подзаголовком «орган партийной организации Н-ского партизанского полка, еженедельная газета») с интересом читали в батальонах уже в воскресенье 8 августа 1943 года. А днями позже с удивлением и страхом эту газету прочли власовцы, бургомистры, полицейские, и их «чистокровные» арийские покровители во вражеских гарнизонах Черей, Лукомля, Вятно, Чашниках, Бобре, Лепеле, Витебске... Их не могла не встревожить передовая статья (первой здесь газеты Смоленского партизанского полка): «Близок час расплаты», смело подписанная самим комиссаром (с сокращениями):

«...Под могучими ударами Красной Армии немецкие войска отступают на Восточном фронте. От непрерывных ударов советских партизан трещит тыл врага. После позорного разгрома под Москвой и Сталинградом немцы оказались не способными наступать летом 1943г... Красная армия, продолжая успешное наступление, показала свою способность... бить врага не только зимой, но и летом... (Это написал наш комиссар в начале августа 1943 г.! — P.P.) Не пропустим ни одного эшелона, ни одного немецкого обоза на фронт. Будем громить тылы и коммуникации врага. Будем беспощадно истреблять немцев и предателей родины: собак полицейских (а они ведь еще превосходили по численности партизан — P.P.), «добровольцев» и прочую сволочь. Враг истекает кровью, но еще дышит. Нужно его добить! Усилим удары по врагу.

³⁶ Логунова Т.А., ук. Соч., Стр. 196,218.

Своими боевыми делами оправдаем доверие нашего народа и укрепим боевую славу нашего полка. Близок час расплаты! Победа будет за нами! А. Юрьев».

В этом же первом номере газеты была опубликована статья бывшего немецкого обер-ефрейтора «Война идет к концу»: «Я, будучи солдатом немецкой армии, совсем не хотел бороться за Гитлера. Гитлер победил Польшу, Францию, все Балканские государства, Норвегию. Он думал в несколько месяцев покончить с Советской Страной... Собака обожралась и подавилась. «Фрицы» (так в тексте — *Р.Р.*) натолкнулись на твердый камень — на Красную Армию... Сейчас я с гордостью являюсь русским красным партизаном... Мы, партизаны, оказываем Красной Армии в ее борьбе с врагом большую помощь: мы рвем поезда и железные дороги... Победа принадлежит товарищу Сталину. Да здравствует товарищ СТАЛИН! Привет Москве! — Обер-ефрейтор Франц Штеек».

*Обер-ефрейтор Франц Штеек.
Август 1943 г.*

Партизан Франц Штеек. После войны.

Франц Штеек с А. Михайловской и Г. Шириной. 1980 г.

Прочтя нашу газету, враги услышали предупреждение комиссара, смело представившегося и обнародовавшего свою программу действий, услышали и голос своего бывшего обер-ефрейтора. Они начали «усиливать удары» по полку, активно внедряя к нам своих осведомителей и диверсантов для уничтожения редакции, командиров, комиссаров. Однако в следующем номере «Народного мстителя» появился эпиграф-предупреждение: «Не может быть сомнения, что немецкие захватчики ещё будут бросаться на новые авантюры. Но силы врага уже подточены и находятся на пределе. И.В.Сталин». Ниже, в передовой статье расширилось содержание эпиграфа:

«...Чувствуя шаткость своего положения и близость своей позорной гибели, Гитлер отдал приказ угнать в немецкое рабство все трудоспособное население Белоруссии, вывезти в Германию весь урожай и крупный рогатый скот. Сейчас самая горячая пора уборки урожая. Немецкие тыловые обер-грабители и их прихлебатели – полицейские постараются, как можно быстрее вывезти из наших районов богатый урожай. Наша задача – не дать врагу ни грамма хлеба; помочь населению быстрее убрать хлеб и надежно запрятать его. Не пропустить ни одного немецкого обоза на ссыпные пункты; выявлять и уничтожать немецкие склады с зерном; истреблять отряды немцев и полицейских, которые будут выезжать на организацию уборки и вывозку хлеба, скота, на облаву и угон населения в немецкое рабство...»

В следующем выпуске газеты (Воскресенье, 22 августа 1943 г.) в передовой статье «Крепить боевую дружбу с населением» комиссар писал: «...Командно-политическим составом и партийно-комсомольскими организациями нашего полка проводится среди населения большая политико-массовая работа. Проведено несколько десятков митингов, докладов, бесед по разъяснению приказов тов. Сталина о положении на фронтах отечественной войны, о задачах и способах борьбы с врагом. Систематически распространяются среди населения сводки информбюро, листовки, газеты (распространяли тогда их не только в окружающих деревнях, но и в райцентрах для власовцев, мы — «малолетки» — *P.P.*) ... Тесная боевая дружба партизан с

населением является залогом нашей победы над врагом. Ясность и важность этого вопроса для всех очевидна, однако у нас, к сожалению, еще имеются отдельные партизаны и командиры, которые не понимают этой простой истины... Мы вели и будем вести беспощадную борьбу с пьянством, мародерством, со всеми теми, кто будет нарушать нашу дружбу с населением...»

Здесь же была опубликована краткая статья бывшего гитлеровского лейтенанта Габлера «Почему я стал партизаном»: «Я чех. Моя родина, мой народ уже пять лет стонет под ярмом немецких поработителей. ... Вот почему я, будучи насильно превращен в немецкого солдата, твердо решил бежать с фронта к партизанам и с оружием в руках непримиримо вести борьбу... Я глубоко убежден, что под руководством величайшего полководца т. Сталина мы победим. Лейтенант Герман Габлер».

Следующая передовая статья газеты (29.08,43) «Разгром Горивецкого гарнизона» за подписью В.Садчиков (а не И.Садчиков) не менее громогласно оповестила недругов: «...В Горивецком бою наши славнейшие партизаны и командиры еще раз показали свою храбрость и отвагу, преданность нашей социалистической родине. Во главе с тт. Борисовым (командиром второго батальона — *P.P.*), Кавындиковым (комиссаром 2-го батальона до 09 сентября 1943 года — *P.P.*), Вороняевым (командиром отряда 2-го батальона. — *P.P.*) ... вслед за танкистами (в полку появилось два танка, брошенных при отступлении танковым полком нашей армии и отремонтированных танкистом Флоростенко — *P.P.*) партизаны ворвались в деревню... Захватив богатые трофеи и пленных, полк успешно завершил операцию...»

В этом же номере газеты была опубликована статья «Комсомольское собрание полка». В ней были отмечены комсомольцы Герои: «Из числа комсомольцев выделились такие, как тт. Морозов и Варочкин, которые за боевые дела в борьбе за нашу советскую Родину представлены командованием полка к званию Герой Советского Союза». Представляли дважды к званию Героя Советского Союза этих комсомольцев, дважды представлялся к присвоению этого звания коммунист, командир 2-го батальона И.М. Борисов. Их до конца войны в полку считали Героями Советского Союза. К глубокому сожалению, лишил Героев этого заслуженного звания Штаб партизанского движения.

После смерти отца я обнаружил не отправленное адресату его Заявление: «В Институт истории партии при ЦК КПБ от Романова Леонида Федоровича, командира отделения 4-го батальона Смоленского партизанского полка Садчикова... Отличившихся в боях, командование полка представило к правительственным наградам; я был представлен к награждению орденом «Отечественной войны» и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-ой ст. По окончании партизанской борьбы в Белорусском штабе партизанского движения вручали награды, о чем сообщили и мне. Когда я приехал за наградами, лейтенант вручил мне медаль 2-ой ст. Когда я сказал, что награжден медалью 1-ой ст., лейтенант сообщил, что я опоздал, все медали 1-ой ст. розданы, остались только 2-ой ст. А в комнате, где вручали ордена, женщина, найдя мое личное дело, сообщила, что я представлен к ордену, но ЦК КПБ не утвердил. С тех пор прошло 20 лет, но это не забывается и заставляет обратиться за справедливостью. Зачем представляли меня к наградам и зачитывали приказ перед строем моего партизанского полка?»

Не получили награды многие партизаны Смоленского полка Садчикова «из идеологических соображений», поскольку командир полка Садчиков, будучи заместителем у «Бати» (ставшим в октябре 1942 г. «врагом народа»), и комиссар Юрьев, будучи начальником политотдела «Бати», не узрели «врага» в командире своего соединения.

Идеологии нашей газеты была посвящена передовая статья «Большевицкая агитация в тылу врага» («Народный мститель» от 16 ноября 1943): «...Исключительную роль в агитационной работе сыграла типография нашего полка. Только за последние три месяца наша типография выпустила и распространила около 50 тыс. экземпляров сводок Совинформбюро, 9 тыс. экз. листовок и 6 тыс. экз. нашей газеты «Народный мститель». Наши газеты и листовки пользуются исключительной популярностью и любовью населения. Их читают не только в районах действия нашего полка, но и в Витебске, Орше, Борисове, Лепеле, Богусевске, Чашниках, Толочине, Сенно...»

А ведь во всех этих городах гитлеровцы организовали «белорусские» типографии, призывавшие сограждан на борьбу за «новый порядок» с бандитами (употреблять в печати слово «партизан» фюрер запретил из идеологических соображений). И, как ни печально, но у гитлеровцев работали многие опытные бывшие советские журналисты (одним из них оказался известный довоенный искусствовед Юрка Витьбич, публиковавшийся и после войны в Мюнхене). Немецкие редакции располагались в бывших советских апартаментах, наполненных советским оборудованием. Партизанская редакция, располагаясь в крестьянской избе, испытывала трудности не только в кадрах и оборудовании, и в бумаге, краске и т.д. Не просто было комиссару Юрьеву подобрать редакционных сотрудников, среди которых оказалась моя мать «в качестве корректора и технического редактора». Она до войны не работала техническим редактором, а преподавала русский, немецкий, белорусский и стала моей матерью, превосходя меня по возрасту на 16 лет. Я также оказался нужным редакции и командованию полка в качестве посыльного, распространителя газет (бывало, что мы распространяли газеты «Правда» и «Комсомольская правда») листовок в батальонах и соседних деревнях.

Каждый новый номер «Народного мстителя» я относил в Череею подруге моей матери, учительнице Вере Пушиной, через которую газета попадала начальнику немецкого гарнизона «власовцу» Выходцеву. А после того, как мать с отцом проявили музыкальную одарённость, им комиссар поручил организацию театрализованных идеологических представлений, активным участником которых стал и я. О нашем творческом коллективе писал «Народный мститель» 16 ноября 1943 года: «Утром 7 ноября во всех батальонах состоялись торжественные митинги, где кроме партизан присутствовало много местных жителей. После праздничных обедов, вечером 7 ноября в отрядах состоялись вечера художественной самодеятельности...» А ниже, этой статьи за подписью «Андреев» выражалась благодарность газете: «В агитационной работе в отряде и среди населения огромную помощь оказывает типография нашего полка, которая систематически снабжает нас ежедневными сводками Совинформбюро, листовками и газетами».

23 декабря 1943 года в газете была опубликована информация: «В Совнарком Союз ССР» О государственном гимне Советского Союза:

«Ввиду того, что нынешний государственный гимн Советского Союза «Интернационал» по своему содержанию не отражает коренных изменений, произошедших в нашей стране в результате победы советского строя, и не отражает социалистической сущности советского государства, - Совет Народных Комиссаров Союза ССР решил заменить текст государственного гимна новым текстом, соответствующим по своему содержанию духу и сущности советского строя. Утвержден следующий текст нового государственного гимна.

Гимн Советского Союза

(Текст Сергея Михалкова и Эль-Регистана)

Союз нерушимый республик свободных

Сплотила навеки великая Русь...

Для нового государственного гимна принята музыка композитора Александрова А.В. Ноты к музыке гимна будут опубликованы особо. Повсеместное исполнение нового государственного гимна вводится с 15 марта 1944 года» (орфография подлинника — *Р.Р.*).

Нужно было начинать исполнять новый Гимн, которому придавалось огромное политическое значение, а нот не было. Первой в полку услышала Гимн наш радист Таня Архипова, которая представила возможность матери и отцу его прослушать в наушниках радиции. Я впервые услышал их пение Гимна Советского Союза в музыкальном сопровождении отца на гитаре. Под их руководством Гимн разучил полковой хор, и мы начали исполнять его даже в других бригадах. 29 марта 1944 года в нашей газете появились статьи под совместной редакцией и заглавием комиссара Юрьева и моей матери:

«Кто сказал, что надо бросить песни на войне?

После боя сердце просит музыки вдвойне!»

«Созданный в полку коллектив художественной партизанской самодеятельности за два месяца своего существования провёл среди партизан и местного населения 79 выступлений, из них свыше 30 в соседних партизанских бригадах (! – *Р.Р.*) Сплочённому боевому коллективу всюду оказывался тёплый сердечный приём. Ниже мы приводим несколько отзывов о выступлении коллектива»:

«Личный состав Н-ской партизанской бригады сердечно благодарит коллектив партизанской художественной самодеятельности...

Комиссар бригады Т.»

«...Особенно сильное впечатление произвёл исполненный хором Гимн Советского Союза. От имени партизан Белорусской партизанской бригады им. Пономаренко горячо благодарим боевой коллектив.

Командир бригады.

Комиссар бригады».

*Партизанские похороны (слева С.А. Лагерев, секретарь партбюро Смоленского полка)
Апрель 1944 г.*

«Исключительное впечатление осталось после выступления коллектива художественной самодеятельности у раненых, больных и обслуживающего персонала госпиталя Белорусской партизанской бригады им. Пономаренко. От души желаем коллективу новых творческих успехов и просим ещё раз приехать к нам.

Политрук госпиталя П.»

«Исключительное впечатление» — недостаточно точное определение. Во время нашего исполнения Гимна Советского Союза у многих раненых, выдерживавших без анестезии сложнейшие операции, потекли слёзы, а некоторые натурально зарыдали. Заслезились глаза и у матери (рядом с баянистом), и у меня — рядом с ней...

По мнению многих ветеранов, неудачный набор слов нового Гимна России далёк от того патриотического воздействия, которым была наполнена каждая строка Гимна СССР. А музыка В.А. Александрова памятна всем со времен Гимна СССР, вдохновлявшего «на верность народу, на труд и на подвиг».

Комиссар полка капитан Юрьев сумел организовать последний выпуск «Народного мстителя» в понедельник, 1 мая 1944 года в лесу, когда полк был окружен превосходящими силами карателей и нас с утра бомбила немецкая авиация. В том последнем номере газеты «Народный мститель», в передовой статье «Да здравствует Первое Мая — день смотра боевых сил трудящихся», комиссар писал: «... Партизаны нашего полка встречают Первомай в жестоких битвах с врагом. 10 апреля немцы снова начали наступление на нашу оборону. Крупные силы пехоты с тяжёлыми и средними танками, артиллерией при поддержке бронепоезда бросили в бой немцы. Почти ежедневно вражеские батареи и соединения бомбардировщиков забрасывали нашу оборону тысячами снарядов и бомб. А затем густыми цепями шли на штурм пьяные орды немецкой пехоты. Но, несмотря на это, мужественно и героически сражавшиеся

партизаны устояли. Враг не прорвал нашей обороны. И не прорвёт, пока бьётся сердце партизана! Немцам нанесены тяжёлые потери. За время боёв с 10 по 29 апреля партизаны полка подбили 7 немецких танков (один из них на личном счету командира отделения ПТР - моего отца Романова Леонида Фёдоровича – Р.Р.), один самолёт, две грузовые автомашины, убили 671 и ранили 735 немецких солдат и офицеров. За апрель месяц пущено под откос 3 эшелона с техникой и живой силой врага. Победоносное наступление Красной Армии, подвиги советских людей на трудовом фронте вдохновляют нас, партизан, на новые боевые дела. ... Да здравствуют славные партизаны и партизанки! ... Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков), партия Ленина–Сталина — вдохновитель и организатор борьбы за победу над немецко-фашистскими захватчиками! ...»

А ниже этой передовой статьи «Народный мститель» опубликовал благодарность партизанам нашего Полоцко-Лепельского советского края от И.В.Сталина: «т.т. Лобанку, Зиненко, Бардадыну, Фролову. Передайте партизанам и трудящимся Полоцко-Лепельского партизанского края, собравшим 477090 рублей деньгами, золото и серебро на производство вооружений для партизан, мой боевой привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

Деньги и ценности для своего вооружения партизаны начали активно собирать и отправлять «на большую землю» после зимнего успешного наступления Красной Армии в начале 1943 года. Тогда на фронте создалось «стратегическое затишье»: обе стороны активно готовились к боям за Приднепровье. Предприняв лихорадочно меры по привлечению в промышленность иностранных рабочих, военнопленных и работников с оккупированных территорий, гитлеровцы смогли значительно увеличить выпуск самолетов и танков. Они успешно освоили массовое производство «тигров», «пантер», орудий «фердинанд», скорострельных пулеметов. Широкой рекламой своих технических достижений они старались восполнить идеологические утраты, которые понесли под Москвой, Сталинградом и в безуспешной борьбе с партизанами (для нейтрализации которых на восток направлялись новые подразделения из Германии, Франции, Норвегии).

Руководство СССР в конце зимы 1942-1943 годов не менее успешно устраняло возникавшие диспропорции в нашей промышленности и направляло вооружение, медикаменты и др. для активизации партизанского движения в тылу врага, развивая патриотическую инициативу советских людей, опираясь на наше идеологическое превосходство над врагом. «...У нас необыкновенно широко, разносторонне и эффективно развернулись творческие силы, инициатива и изобретательность нашего богато одаренного народа. И все это сказалось не только в самом ведении войны, но буквально во всех отраслях жизни государства», — говорил тогда М.И. Калинин (по инициативе которого Указом Президиума Верховного СССР от 2 февраля 1943г. была учреждена медаль «Партизану Отечественной войны»).

Идеологическим превосходством над гитлеровцами были наполнены не только произведения выдающихся мастеров изобразительного искусства, но и партизанской лирики. Например,

«Из бронзы Ленин... Тополя в пыли
Развалины сожженного квартала.
Враги в советский городок вошли
И статую низвергли с пьедестала.

Полковник – щеголь был заметно рад,
Что с памятником справился так скоро,
И щелкал долго фотоаппарат
Услужливого фоторепортера.
Полковник ночью хвастал, выпивал,
А на рассвете задрожал от страха.
Как прежде памятник в саду стоял,
Незримой силой поднятый из праха.
Заторопились офицеры вдруг.
Неясные вдали мелькали тени:
То партизаны, замыкая круг,
Шли на врага, и вел их Ленин».

Этот патриотический партизанский шедевр Степана Щипачева его собрат по перу Илья Оренбург не случайно отнес к образцам идеологического оружия поэзии нашей Победы: уже зимой 1943 года его декламировали в партизанских отрядах и госпитале в Боярах. Тогда самолеты У-2 с вооружением, медикаментами, почтой и газетами еще приземлялись на озерном льду. Но с началом весны здесь в Бегомле начали приземляться групповые планерные десанты.

Приведенные ниже краткие сведения о десантах в Бегомль с участием планериста Владимир Сергеевич Комиссаренко, подготовлены при активном содействии Г.С. Бурлак, И.Д. Бурлак.

«Чудеса изобретательности и героизма пришлось проявить участникам первых ночных групповых планерных десантов в Бегомль», — вспоминает планерист Владимир Сергеевич Комиссаренко.

Он родился 6 июня 1923 года и, успешно окончив в 1942 года Саратовскую военно-авиационную планерную школу (СВАПШ), стал сержантом планеристом 1-го авиационно-планерного полка воздушно-десантных войск Красной армии. Этот планерный полк находился в городе Тейково и входил в состав 3-ей воздушной армии, которая после создания Центрального штаба партизанского движения начала снабжать партизан всем необходимым. Тогда из-за дефицита в самолетах партизаны испытывали острый недостаток в боеприпасах, медикаментах, многом другом и в Центральный штаб партизанского движения поступило предложение авиаторов использовать десантные планеры для доставки необходимого на подготовленные партизанами аэродромы.

По требованиям безопасности над оккупированной врагом территорией боевые аэросцепки должны были проходить на высоте 3000 м. Планеры грузоподъемностью 800 и 1000 кг (которые часто перегружались) поднимали самолеты буксировщики с «аэродрома подскока» в Старой Торопе и буксировали их к партизанским площадкам приземления. Одним из первых для планерных десантов партизаны предложили использовать аэродром Бегомля. В Москве не сразу согласились с этим предложением, и для обследования аэродрома в Бегомль вылетел известнейший в стране планерист, заслуженный мастер спорта Сергей Николаевич Анохин, договорившись предварительно о расположении на этом аэродроме сигнальных костров (в две линии у кромок аэродрома — по 4 костра в каждой). Самолет Ли-2 с планером Анохина появился над Бегомлем в полночь, но на посадку не пошел. Приземлился на планере только сам Анохина и послал в сторону самолета зеленую ракету; сделав прощальный круг над аэродромом, самолет буксировщик направился на запад. Утром Сергей Николаевич перемерил все поле шагами, вышел с партизанскими командирами бригады «Железняк» на дорогу, которая шла в деревню Бояры, и сказал о необходимости спилить близкие к аэродрому телеграфные столбы с высокими деревьями в лесу. Партизаны роты связи сразу же приступили к уборке указанных им телефонных столбов и мешающих ночному приземлению планеров деревьев.

«Для того, чтобы ускорить операцию по заброске вам оружия, боеприпасов, всего необходимого, я должен быть там, откуда сюда будут направлять самолеты и планеры: нужно рассказать летчикам и планеристам, что представляет собой аэродром, где они будут приземляться. Вместо себя сюда пришлю опытного специалиста. Вероятно, уже завтра в ночь здесь будет Григорий Степанович Малиновский. Нужно поторопиться, поскольку там в партизанских штабах думают через вас забрасывать военные материалы и для партизан других районов», — сказал Анохин³⁷ (см.)

В бригаде «Железняк» было много тяжелораненых, мало медикаментов и хирургических инструментов. Анохина попросили забрать раненых на «большую землю». Но хватит ли площадки, чтобы самолет смог взлететь с планером на буксире? Да и аэродром еще не обкатан, надежно ли взлетное поле — неизвестно. Рассуждая об этом вслух, Анохин вспомнил о летчике Желютове: этот известный ас транспортной авиации уже неоднократно садился и взлетал с партизанских пятачков. И Сергей Николаевич сразу же послал радиogramму в Москву с просьбой уже в следующую ночь направить сюда летчика Желютова.

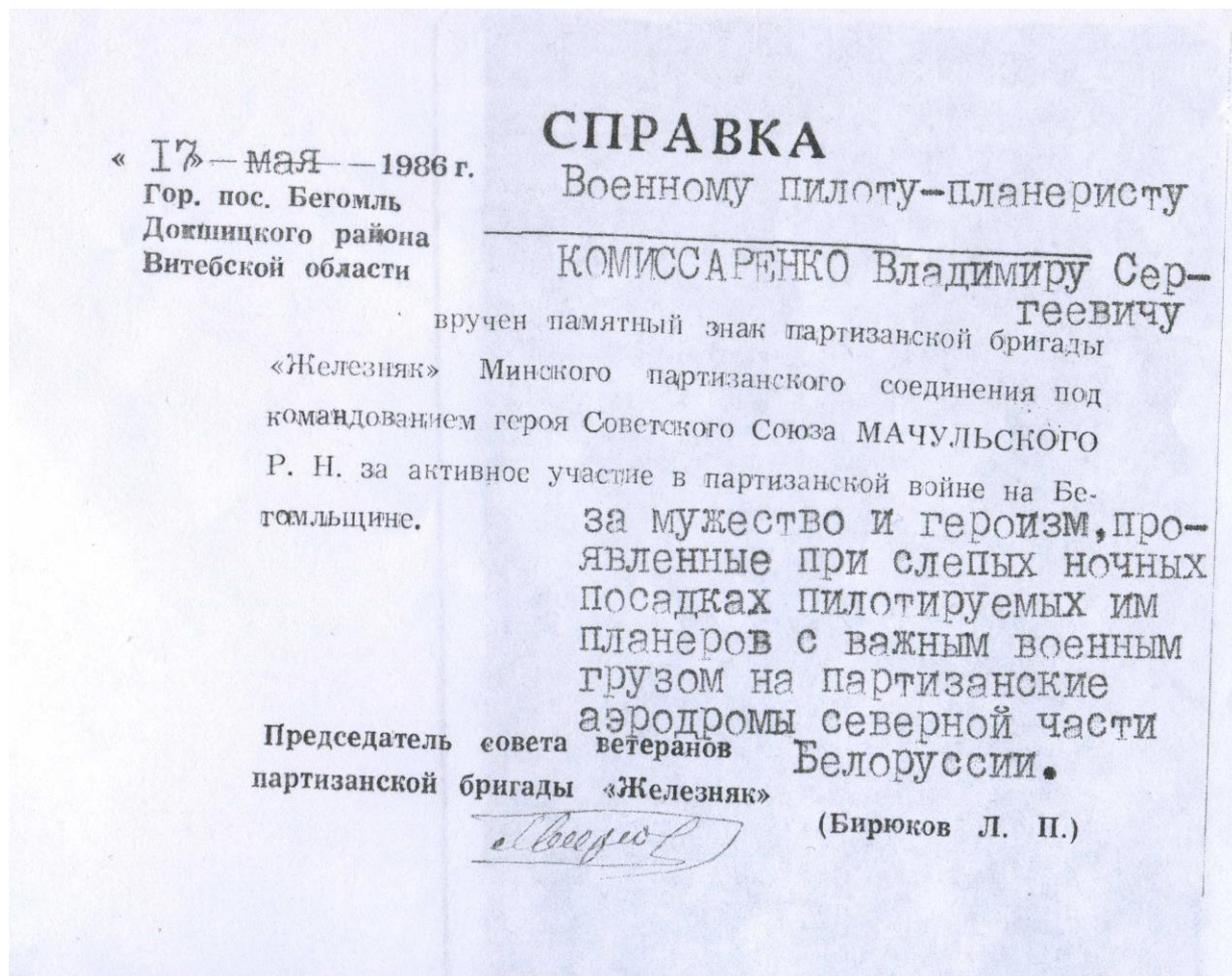
Наступила ночь, когда должен был прилететь Желютов на Бегомльский аэродром и действительно его самолет прилетел сюда точно в полночь. Он низко пошел над аэродромом, сделал круг, круто нырнул вниз, промелькнул между кустами и плавно коснулся земли. Сергей Анохин побежал к кабине, осветил пилотов фонариком, забрался к ним. И сразу же самолет развернулся на взлет. Когда к нему подтянули планер, Анохин сам закрепил буксировочный трос и Желютов на малых оборотах начал подавать самолет вперед; когда буксирный трос натянулся, Анохин сказал грузить раненых на планер, однако их оказалось больше, чем он мог поднять. Узнав это, раненые застонали, но один из них сказал, что он подождет следующего самолета. Когда Сергей Николаевич подошел к нему с фонариком и увидел на его гимнастерке голубые петлицы пилота, то спросил: «Как ты оказался здесь?» «Да вот слетал на СБ³⁸ бомбить Кенигсберг, но подбили на обратном пути; партизаны нашли меня среди обломков машины». Анохин распорядился погрузить и авиатора на планер. Когда всех погрузили самолет рванулся, планер подскочил, и Анохин мгновенно поднял его над хвостом самолета, который при ослабленном буксировочном тросе набирал скорость до самой кромки поля, наконец,

³⁷ См. В.Б. Казаков. Боевые сцепки. М., 1988. С.35-45.

³⁸ СБ — скоростной бомбардировщик АНТ-40.

задрал нос и начал подниматься в небо. Через сутки партизаны узнали, что Желютов и Анохин уже на «большой земле» и начата подготовка группового планерного десанта в Бегомль.

«У нас побывал Сергей Николаевич Анохин, толково побеседовал с нами, давал нам дельные советы», — вспоминает планерист Владимир Сергеевич Комиссаренко, умудрившийся три раза в тяжелейших ночных условиях удачно приземлять свой перегруженный планер А-7 на этом Бегомльском аэродроме. Первый полет сюда он совершил в начале марта 1943 г. будучи участником «Первой планерной операции в интересах партизан Белоруссии».

Командование «Железняка» тогда поручило принимать планерный десант Ивану Павловичу Баденко, под руководством которого аэродромная команда вырубилась еще несколько высоких деревьев, сделала в лесу просеки для укрытия планеров и оборудовала площадку для подготовки раненых к отправке. И в Боярах, где находился партизанский госпиталь, его начальник - врач Василий Иванович Лещинский расширил свою лечебницу для приема раненых из других партизанских отрядов.

Наконец наступила ночь, когда послышалось приближение самолета, и из облаков вынырнула первая громадина с планером на буксире. Сразу же на аэродроме вспыхнули костры. После того, как сел первый планер за ним пошел на посадку самолет, из которого выскочил человек среднего роста в летном костюме с вещмешком за спиной и попросил указать ответственного за аэродром. Когда тот подошел к нему, прибывший с вещмешком объявил: «Вам привет от Сергея Николаевича Анохина. Я — Малиновский Григорий Степанович и мне поручено управлять вашим аэродромом, я сразу же приступаю к выполнению своих обязанностей: сегодня мы должны принять шесть

планеров и два самолета. Они смогут взять сорок человек, если есть раненые, обеспечьте их доставку». Григория Малиновского тогда беспокоила не простое ночное приземление на этом аэродроме молодых необстрелянных планеристов, среди которых совершал свой первый боевой перелет тогда 19-летний Володя Комиссаренко. «У нас всех был мизерный налет, по существу, мы только научились взлетам и посадкам...», — писал пилот планерист Н.В. Олоновский (однокашник Комиссаренко).

Курсанты СВАПШ осенью 1942 г. видели (почти каждую ночь), как немецкие асы люфтваффе заходили для бомбежки Саратовского моста над их аэродромом. Тогда, по боевой тревоге с неба устремлялись к земле наши учебные аэропоезда, приземлялись планеры, а аэродромная команда с курсантами спешно гасила стартовые сигнальные огни. В непростых условиях шла стремительная подготовка планеристов и только по два-три учебных парашютных прыжка выполнили Володя Комиссаренко и его однокашники. К сожалению не только молодые планеристы, но и транспортировавшие их ночами в Бегомль пилоты, не обладали теми навыками и сноровкой, которую проявили асы виртуозы – планерист Анохин и пилот Желютов на этом маленьком лесном аэродроме. Молодые, недостаточно опытные пилоты подобно этим асам не могли взлетать с Бегомля, и планеристы были вынуждены сжигать свои планеры после их разгрузки и переходить по земле линию фронта. Они возвращались в Бегомль на новых загруженных планерах, которые так же сжигали после их разгрузки.

«Поскольку самолетов было мало, партизанский госпиталь в Боярах переполнялся ранеными и вывезти всех их отсюда не смогли», — свидетельствует врач Федор Михайлович Романов (мой дед — *P.P.*). Он стал последним начальником этого госпиталя после того, как с обмороженными ногами выбрался из болота, куда загнали каратели наш Смоленский полк (я отстал от полка в том болоте). Федор Михайлович написал в дневнике:

«... Наш бедный Алик (это я — *P.P.*) остался по ту сторону дороги в болоте. Что с ним никто ничего сказать не мог. Было полное основание думать, что он погиб или от пули, или в болоте от голода. Оборону в Бегомльском районе занимала бригада Железняка. Встретила нас эта бригада не совсем дружелюбно. Полк остался без хлеба, мяса, соли и др. продуктов. Несколько дней полк был в обороне, но полковник Садчиков решил, что лучше, чем сидеть в обороне с голодными людьми, пробиваться обратно в Ушачский район, а затем в Западную Белоруссию. Полк снялся с обороны и ушел. Я с невесткой (моей матерью — *P.P.*) получил документы на эвакуацию за линию фронта и остались ожидать самолета в дер Боярах. В этой же деревне был оставлен и наш госпиталь с ранеными и больными. Начальник госпиталя Лидия Романовна заболела и тоже подлежала эвакуации. Я начинал двигаться и был назначен начальником госпиталя. На меня была возложена эвакуация всех раненых и с последним раненым садиться в самолет. Но осуществить это оказалось не просто. Раненых из всех бригад оказалось больше 250 человек.

Летчик Малкин забирает детей на «большую землю». Зима 1943 г.

Самолеты делали посадки редко. И какие самолеты? У-2, которые забирали по одному человеку. За две недели только один раз сделал посадку Дуглас и забрал десятка два раненых из других бригад и четырех носилочных из нашего полка. Немцы в это время не спали и с каждым днем оттесняли бригаду Железняка на новые позиции. Количество раненых увеличивалось. Немцы уже в 8 км. от Бояр. Положение с моими ранеными аховое. Бросать раненых и уйти я не имел права. Раненые волнуются. Наконец было решено уходить из деревни (кто как может и куда может). Утром 1 июня у меня уже не осталось ни одного раненого. Решили и мы с невесткой сняться с позиции и идти на восток. Может быть это и смешно, но я поверил своему сновидению: перед этим видел луну, которая светила на востоке во всем величии. Решил после этого двигаться только на восток от Бегомля. Там была Черeya и находились бригады Дубова и Леонова. Я решил найти одну из этих бригад, а там будет видно. За брюки (на мне их было двое) раздобыл веревочные лапти, укрепил их на ногах и утром 1.06.1944 г. двинулись в путь...»

Да. Не хватало, к сожалению, опытных планеристов и пилотов, самолетов и планеров для возраставших потребностей партизан, ведь началась подготовка к битвам за Днепр (начало 1943 года). А только осенью 1940 года на совещании в ЦК ВКП(б) с участием И.В. Сталина было решено создавать воздушно-десантные войска и транспортно-десантные планеры для них, только в июне 1942 г. командование ВВС выдало задание О.К. Антонову, В.К. Грибовскому и П.В. Цыбину на создание эффективных десантных планеров. Тем не менее, в тяжелейших условиях войны руководство страны смогло (за полугодие!) организовать массовый выпуск планеров нового поколения. Например, планер А-7 (созданный мгновенно Антоновым на базе планера РФ-8) в 1942г. уже осваивался курсантами СВАПШ в ночных полетах, а 6 марта 1943 г. ночью приземлился успешно в Бегомле на этом планере Владимир Сергеевич Камиссаренко, которому сегодня перевалило «за 90». Но когда ему не было и 20-и, он уже овладел непростым ремеслом ночных планерных полетов на новом планере А-7.

Владимир Сергеевич и после войны не расстался с авиацией, а освоив ремесло инженера картографа, летал успешно картографом над просторами СССР, за что был награжден орденом «Знак Почета». Он и сегодня помнит командиров и наставников СВАПШ, которые мудро и «яростно» прививали курсантам любовь к небу. Мудрая требовательность наставников и их удивительные способности передавать молодежи навыки летного мастерства запомнились не только ему. Например, один из бывших его однокашников, а затем пилот и поэт Виталий Фролов помнил как:

«... Опрокинулся неба зонтик,
Облаками в глаза пыля,
Задирая вверх горизонты,
На меня рванулась земля.
А с земли: «Поплавней... Не дергай!
Выводи... Так... Давай газок
Набирай высоту и восьмерку
Повтори-ка еще разок...»

Многие подобные уроки и педагогические наставления поэтов-авиаторов обрели широкую известность на нашей стороне фронта, боровшейся с фашизмом. Не случайно подобной педагогики (в поэзии и «душевной прозе») не было у гитлеровцев. К сожалению, этих различий идеологического воспитания молодежи не замечают те «наши партнеры», которые сближают «сталинскую идеологию» с нацизмом. А ведь не случайно, не на их, а на нашей стороне фронта создавали подобные «душевные наставления» и выдающиеся мастера Запада. Например, в том же 1943 г. в США пилот и поэт Франции Антуан де Сент-Экзюпери (с 1939 г. капитан разведывательной авиационной группы 2-33) создавал известный миру шедевр — «Маленький принц». А рядом с ним (на нашей стороне фронта во французском Алжире) боролся с фашизмом не менее известный миру Андре Моруа, написавший после гибели своего друга-пилота Сент-Экса: «Произведенный в чин майора... он вылетел в 8 часов 30 минут утра, а к 13 часам 30 минутам его еще не было... У него оставалось горючего всего на один час. В 14 часов 30 минут не оставалось никакой надежды... Все закончилось так, как в романе Сент-Экса «Военный летчик».³⁹

³⁹ *Андре Моруа. «Литературные портреты». А. Сент-Экзюпери. М., 1971.*